

АРМЯНЕ РОССИИ: ДИАСПОРАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ ИНТЕГРАЦИИ

Виктор Дятлов

Армян в современной России традиционно принято называть диаспорой. Это и преобладающее самоназвание, и самоопределение, и наиболее распространенная характеристика со стороны принимающего общества. Характерно, что армянский аналог – слово «спюрк» – используется в качестве самоназвания и самоопределения куда реже. По крайней мере, в русскоязычных текстах. Цель этой работы – попытаться посмотреть, какой социальный эффект может употребление этого термина, распространение его на людей и на их группы, кардинально отличающихся по правовым, культурным, социальным характеристикам, типам этнической идентификации, моделям поведения.

Популярность термина «диаспора» отражает феномен его мощной экспансии не только в научный оборот, но и в общественную практику современной России. Если в дореволюционных энциклопедических словарях вообще не было соответствующих статей, то сейчас это слово стало общеупотребительным. Его широко используют журналисты, им оперируют в повседневной практике и при выработке управленческих решений чиновники, его свободно употребляют простые люди. Это дало основание В.Тишкову саркастически высказаться по поводу «диаспоризации всей страны»¹. Представляется несомненным, что это результат не только и не столько моды и, уж тем более, не воздействия внешней среды. На термин сложился реальный внутренний спрос, и спрос немалый. Можно предположить также, что это результат формирования феномена, который уже получил название «новых диаспор».

Новая этномиграционная ситуация в современной России создает массовую потребность в том, чтобы ее называть, описывать, понимать, иметь с нею дело. Появляется необходимость выйти за круг старых привычных терминов и

¹ *Тишков В.* Увлечение диаспорой (о политических смыслах диаспорального дискурса)// *Диаспоры.* 2003, № 2. С. 161.

понятий. Это тем более важно, что сняты табу на публичное обсуждение национальных проблем, возникли общественные институты (прежде всего, СМИ), для которых это стало важнейшим профессиональным занятием.

Национальные и миграционные проблемы стали предметом *открытой* государственной политики, что означает, помимо всего прочего, появление заметного слоя чиновников, которым поручено *управлять национальными отношениями* и которые находятся в лихорадочном поиске объекта управления. И этот объект должен быть, прежде всего, назван, введен в речевую практику, в терминологию и стилистику бюрократического делопроизводства. Процесс этот стихийен, у чиновников нет времени, привычки, да и особого желания читать научную литературу и вникать в тонкости терминологических споров. Поэтому идет в ход все – всплывшая в памяти лексика прошлых эпох («националы», даже иногда «нацмены»), обыденная речь («черные»), научные термины, пришедшие через третьи руки, – от журналистов, профессиональных аналитиков. В последнем случае на этом пути содержание терминов, их смысловое наполнение могло испытывать самые причудливые трансформации.

Термин «диаспора» – как раз из этого ряда. Он стал широко использоваться в последнее время, причем употребляется без объяснений и толкований, как общеизвестный и общепонятный. В отличие от профессиональных жаргонизмов (типа «националы»), слово это видится как принадлежащее к «высокому стилю»: солидный научный термин, может широко использоваться публично, вполне корректен, его употребление выгодно подчеркивает эрудицию и современность автора.

Однако использование термина без учета заложенных в нем исторически смыслов ведет к тому, что он становится неким клише, даже ярлыком. Нередко так теперь называют (и таким образом вычлениают и объединяют) всех, кого считают представителями неких национальных групп, живущих вне пределов соответствующих государств или национальных очагов. Подразумевается при этом, что это не просто конгломерат людей, а некий социальный организм, к которому принадлежат по факту этнической принадлежности. Последняя также оценивается как природная данность.

Такая «диаспора» многим видится даже организованным сообществом, корпорацией, иногда даже официально оформленной организацией с взаимными обязательствами и оформленным членством. Термину пытаются иногда придать даже правовое содержание. Таким образом, под диаспорой стихийно понимается нечто вроде сословия или миллета.

Принципиально важно то, что участие в «диаспоре» видится в этой схе-

ме не как результат добровольного выбора, самоорганизации, а как следствие изначальной принадлежности мигранта к этнической группе. Таким образом, человек по факту врожденной этничности приписывается к группе, которая несет за него коллективную ответственность. Группа обладает юридически зафиксированными правами и обязанностями перед государством. Вплоть до выполнения чисто полицейских функций.

Этот стихийно примордиалистский дискурс особенно характерен для чиновников и журналистов, пытающихся описать или объяснить феномен полиэтничности сообществ. В случае с чиновниками – стремящихся еще и «управлять процессом».

В такой логике одним словом «диаспора» называется и механическая совокупность лиц, относящих себя (или относимых другими) к некоей этнической группе, и возможные связи и отношения между этими людьми на этнической основе, и их формальные объединения. Когда одно слово обслуживает такие несовпадающие явления, причем обслуживает их в сознании и речи одного человека, то это может вести (и ведет, видимо) к их отождествлению. Можно предположить и обратную логику – когда в сознании человека это действительно одно и то же – и требовалось лишь некое слово для называния этого единого феномена.

При попытках понять и объяснить проблему и, тем более, регулировать неизбежные конфликты, в которых участвуют представители различных национальностей, такой подход (особенно представления о коллективной ответственности) может радикально дестабилизировать ситуацию и вывести конфликтность на новый, более высокий уровень.

В свою очередь, и в кругах активистов национально-культурных обществ также постоянно возникают проекты придания своим организациям квази-государственных функций. От властей требуют предоставления права выступать от имени «диаспоры» как единого тела и обладать властными полномочиями над его членами. Широко распространена, например, идея выдавать приезжим соотечественникам некие справки о благонадежности, без которых нельзя получить место на рынке. Просят иногда и права и обязанности депортировать «неблагонадежных» и т.д.¹

Термины живут своей жизнью – и иллюзия, что это может быть жестко управляемый процесс. Люди сталкиваются с новым явлением, или по новому осмысливают старое, пытаются вписать их в прежний социальный опыт, ищут и находят слова для этого. Иногда это старые слова и термины, нежиз-

¹ Подробнее см.: Дятлов В. Диаспора: экспансия термина в общественную практику современной России// Диаспоры. 2004. № 3. С. 126 – 138.

данно приобретающие новые смыслы, часто довольно причудливые. Борьба с этим невозможно, скорее всего – и не нужно. А вот фиксировать и анализировать этот процесс и его социальные последствия необходимо.

* * *

Какое отношение эти общие рассуждения имеют к армянам России? То, что их традиционно принято называть диаспорой (и они сами в массе своей поступают таким же образом – во всяком случае, не протестуют), свидетельствует о том, что в массовом сознании неразрывно объединены, слиты самые разнообразные группы и феномены. Одним словом называются – и таким образом объединяются в одно целое – и коренные россияне (по гражданству, давности проживания предков, культуре, языку), и недавние мигранты, сугубые новички в России. Люди, тесно связанные с Арменией, и те, для кого это «виртуальная реальность», довольно абстрактный образ исторической родины. Потомственные горожане и выходцы из деревни, люди разных социальных и профессиональных статусов, разных стратегий национального самоопределения. Последнее особенно важно, ибо есть огромные различия между теми, кто на основе своей национальной самоидентификации выстраивает жизненные стратегии, систему связей и отношений, включается в социальные и деловые сети и создает их, – и теми, для кого «армянство» – вещь довольно абстрактная и не определяющая жизненные стратегии и практики.

В таком случае закономерен вопрос: насколько инструментарными являются эти термин и понятие, насколько помогают они изучать сложные реальные процессы? Возможно еще более важный вопрос: не создает ли такая ситуация дополнительных сложностей и проблем во взаимоотношениях «представителей диаспоры» и их отношениях с внешним миром – прежде всего, принимающим обществом?

При попытке ответа на эти вопросы не обойтись без авторского понимания феномена «диаспоры». Мне представляется, что диаспора – это не просто рассеяние, пребывание представителей некоей этнической группы вне своего «национального очага» в качестве национального меньшинства. Тогда неизбежен следующий вопрос – что такое этническая группа, кто такие ее представители и почему, что такое этничность вообще. Мне чуждо примордиалистское представление о врожденном или автоматически унаследованном свойстве этничности, об этносе как вечном и неизменном субъекте общественных отношений.

Поэтому диаспору я понимаю как особый тип человеческих взаимоотно-

ношений, как специфическую систему формальных и неформальных связей, жизненных стратегий и практик людей. Эти связи, стратегии и практики основаны на общности исхода с «исторической родины» (или представлениях, исторической памяти и мифах о таком исходе), на усилиях по поддержанию образа жизни «в рассеянии» – в качестве национального меньшинства в иноэтническом принимающем обществе. Диаспора – не данность, ее существование (или не существование), возникновение и исчезновение, может быть ситуативным ответом на вызов времени, места и обстоятельств. Исходя из такого подхода, наличие совокупности лиц одной национальности, живущих вне национального очага, – это еще не диаспора, а только необходимое условие к ее реализации. Другими словами, одни и те же люди, совокупность этих людей, могут быть, а могут и не быть диаспорой.

* * *

Диаспоральность может выступать и выступает как стратегия адаптации мигрантов к принимающему обществу. Принципиальная новизна современной этномиграционной ситуации в России состоит не просто в формировании массовых трансграничных потоков трудовых мигрантов, в стремительной и устойчивой динамике этого процесса. Суть проблемы – в беспрецедентно высокой роли этого фактора в экономической, этнокультурной, социальной, политической, возможно и геополитической сферах жизни. Россия превращается в страну мигрантов, и это может оказаться радикальным поворотом в становлении ее нового качества.

По оценке директора Института философии, социологии и права Национальной академии наук РА Г.Погосьяна, за 1997-2006гг. из Армении эмигрировал один миллион человек, в т.ч. до 80% - в Россию¹. Всего же за 1998-2002гг. число этнических армян в России выросло с 532,4 тыс. до 1130, 5 тыс. человек².

Сейчас не просто растет количество мигрантов – меняется сам тип мигранта, его система мотиваций, образ и стиль жизни, адаптационные возможности и ресурсы. Мигрант этой волны и этого типа неизмеримо больше, чем в советскую эпоху, нуждается в системе групповой поддержки, в сети родственных, клановых, этнических связей. Все эти факторы радикально увеличивают структурообразующее значение этничности, национальной самоидентификации, формируют диаспоральное самосознание, дают мощный толчок

¹ Ноев ковчег. 2006, № 14.

² Население России 2003 – 2004. Одиннадцатый-двенадцатый ежегодный демографический доклад./ Под ред. А.Г.Вишневого. М.: Наука, 2006. С. 72.

к строительству диаспор. Структуры и сети на этнической основе, существовавшие и раньше, разрастаются, качественно меняется их значение как ресурса выживания и делового и социального успеха.

Совершается и «ментальный рост» – появление этих групп (именно в качестве групп) в сознании как собственном, так и окружающих. И новые мигранты, и старожилы, приписанные советской властью к той или иной этнической группе и в той или иной степени ощущавшие свою связь с нею, начинают чувствовать себя группой, в некоторых ситуациях вести себя как члены группы, формируют сеть связей и отношений на этнической основе. Как сейчас принято говорить, *позиционируют* себя в таком качестве. Исходя из такого понимания, можно говорить о диаспорах как новом элементе социальной жизни. Происходит радикальный сдвиг – от присутствия представителей этнических меньшинств к их структурированию, формированию общин, с их институтами, активистами, поиском ниши, выдвиганием коллективных (или от имени коллектива) целей.

При этом накапливается огромное конфликтное напряжение между мигрантами и принимающим обществом по линиям:

- этнокультурных различий;
- контраста культур города и деревни;
- между современной (индивидуалистичной, индустриально-городской) и традиционалистской (коммуналистской, общинной) моделями социального поведения, регулирования и контроля.

В реальной жизни (и в восприятии людей) все это не расчленено, вытекает одно из другого. Зачастую два последних фактора воспринимаются и оцениваются через призму этнокультурных различий. А так как до сих пор в обществе господствуют примордиалистские представления об этничности, то и различия эти часто видятся непреодолимыми.

В условиях, когда массовый приток инокультурных мигрантов неизбежен – и так же неизбежен конфликтный характер этого процесса – жизненно важной задачей принимающего общества и государства является выработка стратегии управления процессом. Цель стратегии – добиться формирования такой ситуации, когда разнообразие не угрожало бы базовым ценностям всех сторон, всех участников процесса и, что не менее важно, не воспринималось бы ими как угроза.

Это предполагает, прежде всего, взаимную адаптацию. Без этого мигранты не смогут реализовать свои миграционные ожидания, а принимающее общество не будет чувствовать себя в безопасности. В самом общем виде

адаптация включает в себя натурализацию, т.е. вывод максимально большого количества мигрантов в правовое пространство; аккультурацию – приобщение мигрантов к нормам и ценностям принимающего общества; привыкание принимающего общества к мигрантам, к культурному многообразию в качестве нормы.

Успех во многом зависит от уровня и характера удовлетворения адаптационных потребностей мигрантов. В принимающем обществе мигрант остро нуждается в статусе (гражданство, вид на жительство, пребывание-проживание, прописка-регистрация, разрешение на работу и т.д.); безопасности; связях (вхождение в сложную паутину связей, сетей и отношений в принимающем обществе – непрременный залог делового успеха и завоевания социального статуса); информации.

Это необходимо для:

- обеспечения миграционного трафика (от принятия решения ехать до обустройства на новом месте);
- создания условий для эффективной экономической деятельности;
- поддержания отношений с исторической родиной (от переводов и поддержки семей до возможности быть погребенным в родной земле);
- обеспечения социокультурных и бытовых проблем (от необходимости освоить язык, нравы, обычаи, нормы, манеры поведения, одежды и т.д. принимающего общества до сохранения и поддержания собственной идентичности, сохранения родного языка, обычаев, норм, манер).

Опыт показал, что добиться решения этих сложнейших задач индивидуальными усилиями мигранта невозможно. Необходима система, механизм обеспечения безопасности, оказания посреднических и информационно-консалтинговых услуг. Важнейшим способом обретения такого механизма и становится стратегия диаспорализации. В ее рамках мигранты формируют формальные и неформальные сообщества и организации, которые, помимо других функций, помогают им осваиваться в социальном пространстве российских городов. Это прямой путь к актуализации общинности. Слово общинности употребляется в текстах о мигрантах так же часто, как и диаспора. И так же, как правило, без объяснения и толкования – как общепонятное и общепринятое. Между тем, анализ текстов показал, что могут подразумеваться очень разные вещи:

- территориальная механическая совокупность людей, относящих себя или относимых окружающими к некоей группе (этнической, конфессиональной и т.д.);

- среда (мильё) – система и сеть формальных и неформальных связей, отношений, структур;
- институция (например, национально-культурное общество или автономия);
- механизм социальной организации, власти и контроля, действующий через систему институтов, норм, ценностей, санкций.

Именно последнее значение легло в основу представления об общинности как особом типе общественных отношений. Из многовекового опыта общемирового феномена «торговых меньшинств» известно, что общинность – это важнейший ресурс их экономического успеха. Более сложен и неоднозначен вопрос о роли этого фактора в процессе адаптации. С одной стороны, сам факт экономического успеха для трудового мигранта – это и индикатор успешности адаптации, и залог дальнейшего продвижения на этом пути. Диаспоральная инфраструктура, сети и механизмы взаимной поддержки, могут стать и становятся инструментами интеграции мигрантов в принимающее общество.

Различного рода посреднические, консультационные услуги, помощь в первичной адаптации мигрантов оказываются по линии *неформальных структур* – семейных, земляческих, клановых. С их помощью мигрант-новичок может найти работу, жилье, решить очень трудные проблемы с регистрацией и обретением легального статуса, войти в контакт с «нужными людьми». Неоценимо значение таких услуг в сфере бизнеса. Возможность «решать вопросы» с чиновниками, представителями правоохранительных органов, местным криминалитетом является залогом не просто успеха, а и самого существования бизнеса.

Эта инфраструктура имеет сложный и многослойный характер, большая ее часть неформальна и невидима извне. Родственники, соседи, земляки формируют те сети, по которым распространяется информация, оказывается поддержка, распределяются ресурсы. На их основе функционируют отношения «патрон-клиент», на них базируются деловые партнерства, с ними связаны «крыши» и криминальные структуры. Важный «узел» этих сетей – рынки, которые сочетают функции хозяйствующих субъектов и торговых площадок с функциями социальных организмов.

Видимая, юридически оформленная и признанная властью часть этой системы – национально-культурные общества. И хотя по уставам и по определению их основная задача – поддержание и развитие национальных культур, обычаев и языков, на деле это часто становится задачей второстепенной.

Реальная (и высоко ценимая) деятельность концентрируется в сфере взаимодействия с властями, в лоббировании, различного рода посредничестве, оказании соотечественникам комплекса жизненно важных услуг в этой сфере.

По отзывам активистов и лидеров НКО, от них ждут помощи в решении проблем статуса, первичного обустройства мигрантов, решения разнообразных проблем взаимоотношений с властями. Это также инструмент взаимопомощи в сложных или чрезвычайных ситуациях. В некоторых НКО принято в случае внезапной смерти своих членов или просто земляков брать на себя все расходы и организационные усилия, связанные с отправкой тела усопшего на родину. Формальными или неформальными лидерами НКО являются люди влиятельные, часто богатые, обладающие большими связями в городе. Их покровительство – большой ресурс для новичка, а через НКО возможен прямой контакт с ними.

В чем же интерес этих сильных людей, что заставляет их тратить немалые средства и, что еще дороже, время на работу в НКО? Более того, бороться за лидерство в этих общественных организациях? Причины разные и их немало. Естественно, это удовлетворение нормального стремления к лидерству, престижу и социальному признанию. Кроме того, руководящее положение в НКО, помощь его рядовым членам, позволяют строить отношения с ними на принципе «патрон-клиент». Это значительный социальный и экономический ресурс. Еще больший ресурс – высокий статус в городском сообществе, признанное место в его иерархии, прямые выходы на представителей властей и возможность, говоря современным бюрократическим языком, «решать вопросы».

Типична ситуация, когда лидеры и активисты национально-культурных обществ лоббируют интересы представляемых ими групп и их отдельных членов в коридорах власти. Они проводят пиаровские кампании в местных СМИ, делают общеполитические заявления. Некоторые из них постепенно входят в местный истеблишмент именно в качестве штатных национальных лидеров.

Лидерство в НКО – это возможность прямого контакта с властями государств исхода. Новые независимые государства, особенно Закавказья и Центральной Азии, их правящие элиты, стремятся контролировать соответствующие диаспоры, использовать их финансовые и человеческие возможности для национального строительства, борьбы за власть.

Кроме того, лидеры, уже интегрировавшиеся в местное сообщество, кровно заинтересованы в установлении максимально возможного контроля

над мигрантами-новичками с тем, чтобы контролировать их поведение. Сознательное или, чаще, несознательное нарушение ими норм и правил поведения принимающего общества создает соответствующую репутацию всей этнической группе, больно бьет по ее оседлой, постоянной части.

Вся эта система функционирует в рамках рыночных отношений, является ее интегральной частью. Поэтому оказываемые в ее рамках услуги стоят денег. Но это не единственная цена. Основная плата – это подчинение, вхождение систему непреложных обязательств, клиентельной зависимости.

Результат – формирование общинного ядра, не только и не столько среды людей одного языка и культуры, сколько механизма социального господства, контроля и подчинения. Со своими законами, механизмами их выполнения и системой санкций. Община и общинная солидарность могут функционировать и как механизм взаимной поддержки и контроля, и как оружие в борьбе за ресурсы в принимающем обществе. Они обладают огромным мобилизационным потенциалом.

Диаспоральную стратегию адаптации мигрантов можно уверенно оценить как вполне успешную и эффективную. Но в ней же заключается источник уже формирующихся проблем и конфликтных ситуаций. В результате диаспорализации возможно формирование неких твердых «ядер», непроницаемых для посторонних. Это предпосылка для «закукливания» мигрантов в рамках своих общностей, что явно может понизить их стремление к социокультурной интеграции в принимающее общество. Напрашивается гипотеза о том, что такое **общинное образование** закрыто от принимающего общества не только социокультурной и этнической чужеродностью, но и принципиально иным типом социальных связей, регулирования и власти. Неизбежное и далеко идущее следствие формирования ядра общинности в атомизированном, индивидуалистичном обществе – постоянный контакт и взаимодействие двух разных, возможно несовместимых типов социальной организации. Разнотипных механизмов регулирования человеческого поведения, разных образов жизни, систем ценностей и взглядов на мир. Наиболее естественный результат такого взаимодействия – Кондопога.

И если в дореволюционной России или, скажем, в современной Индонезии, где и принимающее общество во многом было или является общинным, такое общинное образование органично встраивалось в общинное же общество (модель гетто), то в современной России неизбежны отторжение и конфликт.

Современное рыночное, индустриальное, индивидуалистическое общество, готовое не просто мириться с этническим и культурным разнообразием, но и часто способное в рамках стратегии мультикультурализма поддерживать и развивать это многообразие, вряд ли сможет общинный тип организации, власти и регулирования человеческого поведения принять и интегрировать.

Опыт индустриальных, городских, индивидуализированных обществ показал, что общинность в ее традиционном виде – не единственная основа диаспоральности. В ней не нуждаются и ею откровенно тяготятся старожилы, люди вполне интегрированные в принимающее общество. Но и у них есть потребности, заставляющие объединяться по национальному признаку. Это стремление сохранить язык и культуру «исторической родины», поддержание чувства причастности к ней, религия. Для удовлетворения этих потребностей люди вступают в добровольные связи, отношения, создают сети и институты. Но это не общинность – ибо в основе лежит личный и свободный выбор, а не принадлежность к группе по факту родства, землячества, клана и т.д.

Возможно, это залог новой жизни и нового качества того феномена, который исторически носит название «диаспора».